

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА СТРУКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы факультета документных коммуникаций, Орловский государственный институт культуры (Орел, Российская Федерация)
tatam08@rambler.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГАДОК КНИГИ «СТО И ОДНА ЗАГАДКА»

Впервые анализируются литературные стихотворные загадки XVIII века, изданные анонимным автором в сборнике «Сто и одна загадка» в 1790 году, описываются художественные особенности энигматического жанра в русской поэзии. Автором охарактеризованы способы создания энигматического образа, предложена тематическая классификация загадок (космогонические, философско-символические, антропологические, анималистические и этологические), а также классификация загадок по типу исходного описания (атрибутивные, релятивные и атрибутивно-релятивные суждения). Рассмотрена субъектно-объектная и субъектно-адресатная структура энигматических текстов. Семантические и структурно-композиционные особенности загадок указывают на то, что поэт руководствовался особыми педагогическими установками, делая акцент на познавательно-эвристической функции произведений.

Ключевые слова: энигматический образ, кодирующая часть, интерпретационное поле, когнитивная картина мира, познавательно-эвристическая функция

Последняя четверть XVIII века ознаменовала собой становление жанра русской литературной стихотворной загадки. В 1770–1790-х годах наряду с публикациями в периодических изданиях¹ появляются сборники загадок отдельных авторов, первой среди которых стала книга известного собирателя русского фольклора В. А. Левшина «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени», опубликованная в 1773 году в типографии при Императорском Московском университете. В сборник вошло 110 загадок о временах года и явлениях природы, о небесных светилах и первостихиях, о человеке и частях его тела, о растениях и животных, предметах быта, письма и грамоты и так далее². Издание книги Левшина явилось большим стимулом для последующего развития жанра литературной загадки. Прозаические загадки писателя неоднократно становились объектом стихотворных переложений поэтов, сотрудничавших в журналах «Лекарство от скуки и забот»³ и «Уединенный пошхонец»⁴, а также – поэта Андрея Байбакова (в монашестве – Аполлоса), автора книги «Увеселительные загадки со нравоучительными отгадками, состоящие в стихах», напечатанной в 1781 году в Университетской типографии Н. И. Новикова⁵.

Не менее значимым событием, оказавшим влияние на последующее развитие жанра русской литературной стихотворной загадки и ставшим художественной основой для адаптации этого жанра в поэзии для детского чтения, является публикация в 1790 году книги неизвестного автора «Сто и одна загадка». На титульном листе были напечатаны только инициалы – Г. Б. В книгу вошли тематические циклы загадок, которые с позиций современной классификации можно

определить как космогонические, философско-символические, антропологические, анималистические и этологические⁶.

Тематика и структурно-композиционная организация загадок сборника «Сто и одна загадка» указывают на то, что их автор руководствуется, главным образом, педагогическими установками, делая акцент на их познавательно-эвристическом аспекте. Переосмысливая кодирующую часть загадки, читатель познает богатство окружающего мира, раскрывает его многообразие, но прежде всего знакомится с описанием хорошо знакомых предметов и явлений, представленном в необычном ракурсе.

Специфика жанра загадки заключается в том, что она «обучает, не воспитывая», развивает у человека логическое и абстрактное мышление, формирует «способность образной категоризации, основанной на четком соотношении категориальных признаков предметов и явлений, наблюдаемых в реальности» [10: 132]. В современной науке загадка определяется как «игровое высказывание, иносказательно кодирующее обозначение какого-либо объекта или явления действительности и предполагающее актуализацию прямого наименования этого объекта в реакции адресата» [3:7].

Знакомясь с завуалированным описанием энигмата⁷, адресат приобретает определенные сведения и навыки, помогающие разобраться в нюансах и закономерностях окружающего его мира явлений. Каждый акт этого познавательного процесса, связанный с расшифровкой кодирующей части загадки, включает в себя в той или иной степени как наглядно-чувственные (эмпирические), так и абстрактные (рационалистические) элементы.

По сути, загадку можно уподобить механизму ассоциативного мышления, в процессе которого «энигматор загадки отображает ассоциаты, а энигмат — то, что в ассоциативном эксперименте выступает как стимул» [2: 38]. В такой системе координат загадка может интерпретироваться и как «обращенный, перевернутый ассоциативный эксперимент: стимул задан по возможным ассоциативным реакциям на него» [2: 38]. Иными словами, кодирующая часть загадки обязательно должна включать в себя номинацию специфических свойств и признаков подразумеваемого феномена, перечень характерных функций, которые способствуют его узнаванию, но при этом сам энигматический образ по определению не может быть назван в тексте, а должен замещаться соответствующим семантическим аналогом или метафорическим эквивалентом.

Для большинства загадок книги «Сто и одна загадка» характерна ярко выраженная образовательная функция, что является продолжением фольклорной педагогической традиции. Исследователями неоднократно отмечалось, что народные загадки отражают результаты освоения человеком материального мира. Еще М. А. Рыбникова, один из первых инициаторов изучения энигматического жанра, справедливо указывала на то, что народные загадки в их тематике образуют круг «примитивного мироведения», поскольку содержат иносказательное описание «природы, человеческого тела, мира животных и растений, трудовые процессы земледельца, орудий его труда». Загадка как бы «вскрывает происхождение предмета или его функцию, или же дает его биографию, с начала и до конца его бытия»⁸.

По-видимому, именно такой «мироведческой» направленностью книги «Сто и одна загадка» обусловлено тематическое и композиционное разнообразие напечатанных в ней загадок. Они представлены пятью обширными тематическими группами: космогонические загадки (о первостихиях, временах года, явлениях природы, времени суток); этологические загадки (о предметах труда и быта, письма и грамоты, повседневного обихода); философско-символические (об абстрактных категориях и понятиях); антропологические (о человеке и частях его тела); анималистические (о насекомых, животных, птицах).

Все загадки, кроме одной, автор сопроводил краткими стихотворными отгадками, поместив их в конце книги. Возможно, именно этим обстоятельством обусловлен выбор заглавия для книги: первые сто загадок приводятся с отгадками, и только одна последняя (сто первая) — дается без отгадки, поскольку она представляет собой акrostих:

Здесь всѣхъ считается, помножь десяткомъ десять,
А послѣ къ нимъ еще одну меня придай:
Гдѣ будетъ всѣхъ числомъ, скажи, читатель, сколько,
А я молчу о томъ, ты самъ то отгадай.
Да вѣрно, какъ сочтешь, и я скажу что столько.
Коль безъ погрѣшности числомъ насъ сосчитаешь,
А тамъ меня легко и скоро отгадаешь⁹.

Обращение поэта к форме акrostиха определяется познавательно-эвристическим назначени-

ем жанра, а также структурно-композиционными особенностями загадки, состоящей из двух взаимозависимых компонентов: кодирующей части (импликации) и отгадки (экспликации). Акrostихная загадка являет собой синтез обеих этих частей в одной форме, исключая вариативность ее истолкования и тем самым обуславливая однозначность разгадки, что существенно отличает ее от загадки классического типа.

Двусоставная структура характерна и для стихотворных отгадок, написанных поэтом. В частности, в них присутствует адресат обращения и адресант:

Читатель, ты не могъ самъ отгадать меня? // Скажу, кто я теперь: зовуся солнцемъ я (47); Читатель отгадай, словамъ моимъ внимля, // Я называюся отъ смѣртныхъ всѣхъ земля (50); Когда желаете, о мнѣ, что есмь, узнать, // Прошу водой меня, не инымъ чемъ назвать (48).

Композиционная структура отгадок также подтверждает установку поэта на познавательно-эвристическую (образовательную) функцию написанных им загадок.

Наиболее многочисленными являются космогонические и этологические загадки, формируя интерпретационное поле которых, автор использует следующие способы создания энигматического образа: 1) номинацию¹⁰ перцептивных признаков энигмат (формы, материала, цвета, размера); 2) номинацию функций и действий, совершаемых им; 3) номинацию способов его происхождения и употребления; 4) номинацию его количественных и пространственных характеристик.

Обращает внимание, что в этологических загадках анонимного автора нашла отражение когнитивная картина мира, свойственная дворянскому мироощущению. Объектом имплицитного описания в них являются предметы повседневного обихода, несвойственные крестьянскому быту (румяна, пудра, магнит, карты, кольцо, часы, алмаз, портрет, маска и др.), что указывает на литературное происхождение загадок. В противоположность им фольклорные загадки отражают хозяйственную жизнь крестьянина «во всех мелочах, предметах, повседневных явлениях», они «загадываются о самых обыденных предметах и явлениях, о труде, о трудовом процессе» [6: 142–143].

Репрезентируя предметы и объекты материального мира, относящиеся к дворянскому образу жизни, поэт акцентирует внимание на номинации внешних свойств энигмат посредством указания на его перцептивные признаки: цвет («Мы цвѣт имѣем розъ, // Не портит насъ морозъ, // Бѣлилы делают на лицахъ женскихъ глянецъ, // А мы на ихъ щекахъ лишь дѣлаемъ румянецъ») (14); форму («Я вещь круглa собою, // И дѣвушки всѣ мною, // И женщины всегда, // Коль есть у нихъ когда, // Стараются меня на пальцы надевать...») (28); материал, из которого он изготовлен («Желѣзной иногда, чугунной я бываю, // На корабляхъ, стругахъ всегда я обитаю, // Рогать собою я, бываю и о трехъ // Рогахъ, а иногда я есмь о четырехъ...») (44).

Наряду с номинацией внешних свойств энигматического образа в загадках анонимного автора

отображаются функции и действия, производимые зашифрованным объектом («Я камень, о своем хочу упомянуть, // О действии, могу желѣзо притянуть; // И тѣмъ я отъ другихъ каменьевъ отличаюсь. // Скажи читатель! Какъ особо называюсь?») (15), а также способы его происхождения и употребления («Меня для украшенья // И для увеселенья // Все ставятъ на стѣнахъ, // Не въ градѣ, а в домахъ. // Я виды иногда людей изображаю, // И въ видѣ иногда собакъ, коровъ бываю. // Какой изобразить, стою такой во вѣкъ...») (40). И в этом анонимный автор также следует фольклорной традиции. Интерпретационное поле народной загадки, как отмечают исследователи, содержит скрытое разъяснение ответов на два основных вопроса: откуда и для чего? Первый подразумеваемый вопрос раскрывает специфические особенности происхождения энигмата, а второй – характерные для него функции. При этом в обоих случаях суть явления определяется «не из самого явления, а откуда-то извне, из того, что самому явлению внеположено, – конкретно, из того, что явлению предшествует и им, строго говоря, не является, и из того, что в этом явлении востребовано тем, кто по отношению к нему “внешен” (человек)» [11: 14–15]. Иными словами, кодирующая часть загадки представляет собой перечень дифференциальных характеристик художественного образа, которые позволяют читателю (адресату) распознать его зашифрованное обозначение.

В загадках данной структурно-семантической разновидности поэт отображает мир дворянской культуры, раскрывает специфику бытового поведения. И здесь отдельно следует сказать о загадке про маску, в основе интерпретационного поля которой лежит изображение действий и поступков человека, принадлежащего к дворянскому сословию:

Меня не рѣдкие на лица надеваютъ,
Надевъ меня, другихъ собой увеселяютъ.
Тотъ примѣняетъ видъ, наденетъ кто меня.
Мужчиной, женщиной преобразить себя.
И мною въ старика себя преображаетъ,
Меня надевъ, другимъ в поступкахъ подражаютъ (32).

Воспроизводя атмосферу маскарада, поэт акцентирует внимание на том, что карнавал представляет собой не просто увеселительное мероприятие, – его неотъемлемым атрибутом является игровое начало. Русскому дворянству XVIII века была присуща «жизнь-игра», поскольку представители этого сословия, по словам Ю. М. Лотмана, «ощущали себя все время на сцене» [5]. С данных позиций литературная загадка может быть определена как энигматический жанр, культурно обусловленный художественный текст, созданный представителем определенной исторической эпохи, подчеркивающий самобытность отдельной этнической группы людей и выражающий специфику восприятия ею мира.

Номинация пространственной характеристики энигматического образа представлена меньшим количеством загадок, относящихся преимущественно к космогонической тематике.

Семантическая оппозиция верх/низ лежит в основе интерпретационного поля загадки о росе:

Жидка я, какъ вода, изъ облакъ упадаю,
А солнце какъ взойдетъ, опять вверхъ возлетаю.
Невидима никемъ на землю какъ лечу,
Упавши, то траву съ цвѣтами я мочу (10).

Самой малочисленной является группа загадок, в основе кодирующей части которых лежит номинация количественной характеристики энигмата. Они представлены текстами этологической и космогонической тематики и по своей структуре близки к так называемым «числовым» загадкам, в которых «число становится главным элементом “загадочного” текста, а счет их – основной операцией подобного текста» [12: 351]. К таким «числовым» текстам относятся загадки космогонического цикла – «о составе основных элементов мирового пространства и структуре соответствующего ему мирового времени... и не только о составе и структуре, но и о последовательности, очередности творения» [12: 351]. Во многом это обусловлено универсальностью изображаемых автором образов, не имеющих семантических аналогов и ассоциатов. В качестве примера следует привести загадку о ночном времени суток:

Я в маѣ семь часовъ владѣнья составляю,
А в ноябрѣ еще прибавъ десятокъ сверхъхъ:
Когда владѣю семь, то спящихъ озлобляю,
Довольство кои въ снѣ свое находятъ всѣхъ... (4–5).

Имплицитный образ создается здесь посредством воспроизведения прототипических жизненных ситуаций и реалий, на это указывает отсутствие в тексте объектов вторичной номинации концепта и логических ассоциатов. Образная номинация осуществляется посредством перечисления семантических признаков энигмата.

По типу исходного описания загадки из книги «Сто и одна загадка» представляют собой атрибутивные, релятивные и атрибутивно-релятивные суждения. По своему содержанию любое суждение о предмете имеет атрибутивный характер. Оно всегда отражает принадлежность или непринадлежность признака, качества или свойства тому или иному объекту. Таким образом, к атрибутивным относятся загадки, содержащие описание характерных качеств, свойств, признаков, действий или состояний объекта действительности посредством использования различных художественных приемов украшения речи: так, поэтом активно используются разнообразные эпитеты, позволяющие охарактеризовать перцептивные признаки энигмата. Например, цветочные эпитеты отдельно практически не встречаются в загадках. Исключение составляет только загадка о небе: «**Лазуревой** мой цвѣтъ пленяетъ всехъ собой. // Читатель! Ты живешь и всѣ живутъ подъ мной» (3). Именно эпитет «лазуревой» представляет собой своеобразный лексический маркер, передающий дифференциальный признак энигматического образа.

В остальных загадках цветочные эпитеты используются параллельно с оценочными эпитетами. Например, в загадке о блохе: «**Животное** я малое собою, // А спящихъ беспокою; //

Собой **черна**, // Отчасти и **скверна**, // Имею также ноги, // Хотя не долги...» (37) или в загадке о розе: «Я цвѣтъ изъ всѣхъ цвѣтовъ **дороже** и **милѣ**, // **Приятнѣ** другихъ за тѣмъ, что онъ **алѣ**. // Даю **приятнѣ** духъ, пускаю фимиамъ // И тѣмъ **приятнѣ** кажуся, смертны, вамъ» (11). В загадке о розе основным средством имплицитного описания художественного образа выступает дистантный повтор [7: 237]. Неоднократное употребление оценочного эпитета «приятный» позволяет поэту воссоздать когнитивную картину мира, свойственную современному обществу.

Использование эпитета как основного компонента энigmatического описания сближает загадки поэта с фольклорными загадками, в которых эпитеты, по наблюдениям В. П. Аникина, «одновременно удерживают свою соотнесенность как с реальным загаданным предметом, так и с реальной предметностью иносказательного образа» [1: 106].

В основе релятивных загадок лежат суждения-отношения. В них акцент делается не на свойствах или признаках подразумеваемых автором объектов, а на взаимосвязи между ними, поэтому в качестве основных способов создания энigmatического образа используются метафора, сравнение и отрицательное сравнение. Метафора представляет собой наиболее распространенный способ кодирования предмета в загадке, «при котором имя одного предмета заменяется именем другого, сопряженного с первым по определенным ассоциативным признакам» [2: 37]. И это связывает отдельные загадки книги с фольклорной традицией. Примечательно в этом отношении, что метафора используется анонимным автором только для создания интерпретационного поля этологических загадок, в которых объектом зашифрованного описания являются предметы труда и повседневного обихода, свойственные крестьянскому быту.

В частности, в загадке о жерновах энigmatический образ создается анонимным автором посредством уподобления «двум братьям», что является примером использования когнитивной метафоры, реализацией «культурно-прагматического “фона”, способствующего установлению и утверждению определенных логических соответствий в разгадке» [9: 16]. Именно метафора определяет в загадке принципы художественного отражения действительности: «Два брата насъ в семьѣ, мы в ящикѣ живемъ, // Из камней сделаны, не камнями слышемъ...» (29–30).

Обращает внимание, что в великорусской загадке о жерновах, изданной в сборнике И. А. Худякова, используется аналогичный метафорический эквивалент: «Два брата бранятся, не наспорятся; // Друг с другом дерутся, не разойдутся»¹¹. В обеих загадках метафора служит не только способом вторичной номинации энigmat (предметом замены), но и отражает национальную концептосферу. Когнитивные метафоры, используемые в энigmatических текстах, «вбирают в себя, сжимая до невыносимой плотности, громадный объем духовных движений, объединяя миропонимание с мироощущением» [8: 138].

Следует отметить, что суждения-отношения лежат в основе кодирующей части не только космогонических и этологических, но и философско-символических загадок. Изображая абстрактные категории и понятия, автор использует прием отрицательного сравнения. Употребление данного приема обусловлено умозрительным характером репрезентируемых энigmatов, не имеющих семантических аналогов и ассоциатов. Наряду с этим релятивным загадкам присуща образно-моделирующая функция, которая предполагает репрезентацию стереотипной ситуации посредством создания иносказательного описания. В ходе моделирования ситуации, как отмечают исследователи, загадка «опирается не на прототипические жизненные ситуации, а на вымышленные или потенциальные, произвольно соотносимые с проектируемыми функциями денотата отгадки» [9: 17].

В релятивных загадках (например, в загадке о мыслях) энigmat наделяется автором метафорически описанными свойствами. Данные свойства характеризуются с помощью приема «метафорического отрицания», в котором частица «не» имеет анафорический характер, что придает системе отрицания равновесный характер. По сути, здесь моделируется ситуация утверждения через отрицание:

Не тѣло мы, не вещь, не существо какое,
Не духъ и не душа, такъ что же мы такое?
Летаемъ всюду мы, хоть не имѣемъ крыль,
У птицъ не достаесть противу нашихъ силъ:
В одинъ часъ на небѣ и на землѣ бываемъ,
И кратко объявить вдругъ Свѣтъ весь облетаемъ.
Заключены хоть мы въ темницѣ завсегда,
Людей обманывать мы можемъ иногда (22).

Суть сопоставления (уподобления) энigmat и энigmatов (объектов вторичной номинации) в загадках с подобной структурно-семантической организацией заключается «не в олицетворяющей метафоре, а в отрицании ее реальности в силу надления ее псевдосвойствами»; при этом «отсутствие в структуре загадки выраженного предиката тем не менее позволяет его реконструировать, исходя из отрицаемого “метафорой” образа» [9: 17]. Интерпретационное поле загадки о мыслях содержит характеристику уникальных свойств энigmat, выделяющих его из ряда других феноменов с аналогичными признаками.

Загадки, в которых одновременно перечисляются признаки, свойства и функции представленного феномена в сопоставлении с другими предметами (объектами), являются атрибутивно-релятивными. Например, загадка о свинце:

Металловъ мягче всехъ, да я и самъ металл,
Меня, не знаю, кто в землѣ избобретал,
Тяжеле меди я, железа, легче злата,
Тяжеле серебра, меня купить, то плата
Почти дешевле всехъ, железа разве только (26–27).

Несмотря на то что в загадках книги «Сто и одна загадка» присутствуют фольклорные истоки, они существенно отличаются от народных загадок по своей нарративной структуре. Все загадки написаны от 1-го лица (фольклорным

загадкам, как правило, свойственно повествование от 3-го лица), что является специфической особенностью жанра литературной загадки последней четверти XVIII столетия. В загадках с подобной структурой энigmat одновременно выступает и объектом авторского изображения, и субъектом речи, поэтому данный тип загадки можно определить как объектно-субъектный.

В современной науке категория лица рассматривается как словоизменительная форма глагола, обозначающая отношение субъекта речи к изображаемому предмету, событию или явлению. При этом 1-е лицо понимается как обозначение говорящего, 2-е – как лицо, к которому обращаются, 3-е – лицо, о котором говорят [4: 86].

В ряде загадок книги «Сто и одна загадка» представлены субъектно-адресатные отношения. К ним относятся тексты, в которых наряду с местоимениями 1-го лица («Я» и «Мы») употребляются местоимения 2-го лица («Ты» и «Вы»). В таких загадках повествование ведется от лица подразумеваемого автором объекта, но при этом имплицитно возникает и образ собеседника, к которому обращается субъект речи (инициатор).

По сути, загадки с подобной структурой представляют собой своеобразную эвристическую беседу, в основе которой последовательность логически выстроенных вопросов или изложение иносказательных ситуаций, перечисление качеств и свойств имплицитного образа. Создавая кодирующую часть загадок по такой коммуникативной модели, автор активно использует форму обращения к читателю, стремясь привлечь его внимание к объекту поэтического описания и тем самым вовлечь в познавательный процесс:

Огонь, но не такой, какой в употребленье,
У человек, чтоб им я пользу приносил:
Не равен я против того в моем стремленье,
И чтоб равно как тот, собою я светил.
Мой свет является, минуту освещает,
Минуту светит он, в минуту исчезает.
Тот на земле огонь дает всем ночью луч,
А я с небес даю и днем из облаков и туч.
Читатель! Скажешь ты, что солнце думать должно,
Не думай никогда, и быть тому не можно.
Не называюсь я ни солнцем, ни огнем,
Другое имя мне, загадка не о нем (8–9).

Концовка загадки представляет собой своего рода эвристический прием, посредством которого автор целенаправленно подводит читателей к нахождению отгадки (расшифровке кодирующей части).

Элементы эвристической беседы присутствуют во многих других загадках книги «Сто и одна загадка». К ним следует отнести прием обращения к читателю, наводящие вопросы, переходящие от частной характеристики к общим выводам и обобщениям. Например, в загадке о клее:

Читатель! Отгадай.
И какъ зовуся я, такое имя дай.
Смотри, не ошибися,
Начнешь отгадывать, то съ мыслями сберися.
А я теперь себя подробно опишу,
Названия жъ своего тебѣ здѣсь не скажу.
Отъ мастеровъ своих <...> (13).

Подобно эвристической беседе, в первых строках загадки выдвигается проблема, требующая решения. Затем автор (от лица представленного феномена) излагает последовательные суждения об объекте энigmatического описания, каждое из которых представляет собой логический шаг, способствующий постепенному осмыслению исходной ситуации загадки и, как следствие, расшифровке ее кодирующей части.

Отдельно следует сказать о синтаксической структуре стихотворных загадок книги «Сто и одна загадка», представляющих собой сложное (двухчастное) синтаксическое целое, которое с позиций современной науки можно определить как вопросно-ответное диалогическое единство, связанное воедино общей темой и предполагающее как минимум двух собеседников [14]. Тексты загадок анонимного автора состоят из одного или нескольких самостоятельных предложений, имеющих общий предмет описания и общую тему. Все предложения объединены определенными логическими отношениями и образуют семантическое единство. В них, как правило, представлены два типа речи: описание и повествование.

При этом наибольшее предпочтение отдается автором загадкам с повествовательной структурой. Интерпретационное поле этих загадок включает перечисление действий и функций, производимых энigmatическим образом, или поступков, совершаемых человеком. Изображая время года или суток, поэт акцентирует внимание читателей на тех явлениях, с которыми они традиционно ассоциируются:

В мое владѣние народы взопръввають, // И силы отъ меня въ нихъ все ослабѣвають. // Не зрѣлы еще всѣ бывають и плоды; // Рождаю лѣность я, въ забвении труды» (4) или на тех изменениях, которые они вносят в окружающий мир: «Настану только я, // То солнце отъ меня // Начнетъ точасъ скрываться, // И светъ тотъ помрачаться, // Которой среди дня Вселенну освещал, // И жаром солнечнымъ всю тварь отягошал. // Пастушки, пастухи с полей овецъ сгоняют, // С свирелками они меня к себѣ встречают. // Пригнавъ овецъ домой, // Довольствуются мной; // И мой какъ цветъ увянет, // То в царство ночь настанет (7).

Необходимо отметить, что в загадках с подобной образной структурой гораздо чаще, чем в других, используется прием градации. Употребление многочисленного глагольного ряда позволяет обозначить дифференциальные свойства (функции) энigmата, отделить «признак от его носителя, что создает предпосылку мышления об объекте, которое воплощается в предикативных структурах» [13: 451]:

Три мѣсяца въ году владѣнья моего,
И цвѣту своего
Не порчу никогда,
Бѣла всегда.
И землю бѣлизной всея я покрываю,
Плода не приношу, вездѣ тепла лишаю (4).

Наряду с индикативной (познавательной) функцией в загадках книги прослеживаются аксиологическая и апеллативная функции:

поэт опирается на объем знаний, имеющихся у читателя, и тем самым учитывает специфику его мышления и восприятия. Ориентируясь на особенности детского сознания, поэт стремится создать стереотипный образ и руководствуется установкой на то, что основными доминантами детского мышления являются чувственное восприятие и анимизм (одушевление неодушевленных предметов и явлений). Изображая предметы и объекты материального мира, автор во многих загадках применяет прием олицетворения:

Не птица, я не звѣрь, но бѣгать скоро смѣю,
Летаю птица какъ, хоть крыльевъ не имѣю,
Я не по воздуху, или землѣ хожу,
А по водѣ и васъ я, смертные, ношу;
Противяся волнамъ, собой ихъ рассѣкаю,
И птицамъ на водѣ летать не уступаю.
Мнѣ крылья челоуѣкъ далъ, шивъ изъ полотна,
И съ ними перегнать не можетъ ни одна (41).

Описательная структура (с элементами повествования) используется поэтом намного реже. Учитывая особенности детского восприятия и мышления, автор сосредотачивает внимание на перцептивных признаках художественного образа, способствующих его узнаванию:

Я вещь потребная и нахожусь вездѣ, // Въ присутственныхъ мѣстахъ, да и почти нигдѣ // Не могутъ обойтись, меня какъ нѣтъ, народы. // Тонка, чиста, гладка, бѣла собою я, // Одинъ другимъ даетъ всѣ знать черезъ меня. // Сперва, какъ не было меня еще въ народѣ, // То и бересты были в модѣ (29).

Проведенное исследование показало, что для литературных стихотворных загадок, напечатанных в книге «Сто и одна загадка», характерны тематическое разнообразие, вопросно-ответная (диалогическая) структура (наличие адресата и адресанта высказывания), репрезентация объектов окружающего мира в непривычном ракурсе, подмена одного понятия другим, что указывает на присутствие в них познавательно-эвристической направленности. О «мироведческой» функции загадок книги свидетельству-

ет не только их тематическое многообразие, но и специфика построения интерпретационного поля. В кодирующую часть многих загадок включены элементы эвристической беседы, неотъемлемым компонентом которой являются так называемые наводящие вопросы, стимулирующие познавательную активность читателей.

К художественным особенностям загадок книги «Сто и одна загадка» следует отнести детализированность описания энигматического образа (литературная загадка изначально оформилась как жанр письменной речи), что существенно отличает их от фольклорных загадок, являющихся крайне лаконичными по форме и содержанию, ибо они являются по преимуществу жанром устной речи. Вместе с тем подобная обстоятельность описания была обусловлена ориентацией автора на детскую аудиторию. Первые необходимые знания об окружающей действительности всегда преподносились детям в игровой форме, поэтому загадка, являясь разновидностью игры, становится наиболее доступным для понимания маленькими детьми способом передачи первых знаний. Так, литературная загадка, подобно фольклорной загадке, стала жанром, отражающим результаты освоения человеком материального мира. Однако, в отличие от народных загадок, в загадках сборника нашла отражение когнитивная картина мира, свойственная современному дворянскому обществу.

Обращает также внимание, что в загадках книги «Сто и одна загадка» метафорическая образность (наличие предмета «замещения») практически перестает быть характерным компонентом интерпретационного поля, что существенно отличает их от фольклорных загадок. Энигматический образ, как правило, создается в них не посредством подбора его метафорического эквивалента, а при помощи номинации его перцептивных признаков (формы, материала, цвета, размера); функций и действий, совершаемых им; способов его происхождения и употребления; номинации его количественных и пространственных характеристик.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1760–1790-х годах литературные стихотворные загадки стали неотъемлемой частью таких журналов, как «Праздное время, в пользу употребленное», «Доброе намерение», «Вечера», «Лекарство от скуки и забот», «И то, и се», «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец», «Уединенный пошехонец», «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», «Зеркало света», «Что-нибудь, еженедельное издание», «Растущий виноград», «Новые ежемесячные сочинения», «Дело от безделья или приятная забава», «Разные письменные материи», «Приятное и полезное препровождение времени», «Прохладные часы, или Аптека, врачующая от уныния» и других.

² Необходимо отметить, что вопрос о происхождении и особенностях загадок В. Левшина неоднократно поднимался в литературоведении. По мнению В. А. Западова, загадки эти являются «книжными, литературными» и имеют иностранное происхождение (См.: Западов А. В. Чулков // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. 1947. С. 277). Иной точки зрения придерживается О. Н. Говоркова, которая полагает, что Левшин включил в свою книгу литературно и стилистически обработанные народные загадки (См.: Говоркова О. Н. Русская народная загадка: история собирания и изучения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 4–5).

³ В частности, одна из 6 стихотворных загадок Н. М. Яновского, изданных в № 23 за 1786 год.

⁴ В январском и мартовском номерах журнала за 1786 год было опубликовано 12 стихотворных загадок анонимных авторов, 5 из которых представляют собой стихотворные переложения прозаических загадок В. А. Левшина.

⁵ Загадки Аполлоса антропологической тематики (о языке, носе) и этологической тематики (о вине, свече) являются стихотворными переложениями прозаических загадок Левшина с одноименной отгадкой.

⁶ От греч. *ēthos* – обычай, нрав, характер и *lógos* – учение.

⁷ Под энигматом понимается объект действительности, закодированный в загадке, а под энигматором – предмет замещения, выступающий в кодирующей части. См.: Денисова Е. А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 5.

⁸ См. об этом: Рыбникова М. А. Загадки. М.; Л.: Academia, 1932. С. 13, 17.

⁹ Г. Б. Сто и одна загадка. М.: В Сенатской Типографии у В. Окорова, 1790. С. 46. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в круглых скобках номера страницы.

¹⁰ В современной науке номинация определяется как языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов. См.: Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 19.

¹¹ Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001. С. 411.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин В. П. Эпитет в загадках // Фольклор как искусство слова. Вып. 4. Эпитет в русском народном творчестве. М., 1980. 142 с.
2. Денисова Е. А. Энигмопорождающая функция синтагматического ассоциата // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Вопросы образования: Языки и специальность. 2008. № 1. С. 36–42.
3. Кондрашова С. С. Языковая картина мира в английской загадке: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 198 с.
4. Левченко М. Н. Загадка как тип текста // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2011. № 2. С. 82–89.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 399 с.
6. Митрофанова В. В. Художественный образ в загадках // Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971. С. 141–151.
7. Москвин В. П. Выразительные свойства современной русской речи. Тропы и фигуры. Общая и частная классификации: Терминологический словарь. М., 2006. 944 с.
8. Порус В. Метафора и рациональность // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 134–141.
9. Семенов Н. Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2011. 46 с.
10. Семенов Н. Н. Проблема описания функционально-категориального статуса загадок как паремического жанра // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 127. С. 129–135.
11. Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. Т. 1. М.: Индрик, 1994. С. 10–118.
12. Топоров В. Н. Заметка о числовом коде русских загадок // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2005. 816 с.
13. Чернейко Л. О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста // Структура и семантика художественного текста: Материалы VII Международной конференции / Под ред. Е. И. Дибровой. М., 1999. С. 439–460.
14. Чернышев В. В. Текст загадки как сложное синтаксическое целое // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988. С. 64–70.

Strukova T. V., Orel State Institute of Culture (Orel, Russian Federation)

SEMANTIC, STRUCTURAL AND COMPOSITE FEATURES OF THE RIDDLES FROM THE BOOK “A HUNDRED AND ONE RIDDLE”

The article is concerned with the study of poetic literary riddles of the XVIII century. The poetic literary riddles in focus are analyzed for the first time. They were published by an anonymous author in the book “One hundred and one riddle” in 1790. The artistic features inherent to this enigmatic genre in Russian poetry are described. The author provides detailed characteristics of the methods used to create an enigmatic image. A thematic classification of riddles (cosmogonic, philosophical-symbolic, anthropological, animalistic and ethological) as well as classification of riddles by the type of the original description (attributive, relational and attribute-relational judgments) are provided. The subject-object and subject-address structure of enigmatic texts is considered. The semantic and structural-composition features of riddles indicate that the poet was guided by special pedagogical principles, placing a particular emphasis on the cognitive-heuristic function of the poems in focus.

Key words: riddle, enigmatic image, coding part, interpretation field, cognitive picture of the world, cognitive-heuristic function

REFERENCES

1. Anikin V. P. Epithet in the riddles. *Folklore as the art of the word. Vol. 4. Epithet in Russian folk art*. Moscow, 1980. 142 p.
2. Denisova E. A. An Enigmatic-Producing Function of Syntagmatic Associate. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Problems of Education: Languages and Speciality*. 2008. № 1. P. 36–42.
3. Kondrashova S. S. The language picture of the world in the English riddle. Dis. on ... cand. philol. science. Volgograd, 2017. 198 p.
4. Levchenko M. N. Riddle as a type of text. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2011. № 2. P. 82–89.
5. Lotman Yu. M. Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century). St. Petersburg, 1994. 399 p.
6. Mitrofanova V. V. Artistic image in riddles. *Modern problems of folklore*. Vologda, 1971. P. 141–151.
7. Moskvina V. P. Expressive properties of the modern Russian speech. Paths and figures. General and private classifications. Terminological dictionary. Moscow, 2006. 944 p.
8. Porus V. Metaphor and rationality. *Higher education in Russia*. 2005. № 1. P. 134–141.
9. Semenov N. N. The cognitive-pragmatic paradigm of the paremic semantics. Author's abstract. diss. ... of the doctor philol. n. Belgorod, 2011. 46 p.
10. Semenov N. N. The problem of describing functionally-categorical status of riddles as a paremic genre. *Izvestiya of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. 2011. № 127. P. 129–135.
11. Toporov V. N. From observations over the riddle. Research in Balto-Slavic intellectual culture: Riddle as text. Moscow, 1994. Vol. 1. P. 10–118.
12. Toporov V. N. A note about numerical code of Russian riddles. *Studies on etymology and semantics. Vol. 1: Theory and some of its particular applications*. Moscow, 2005. 816 p.
13. Cherneyko L. O. Hypertext as a linguistic model of an artistic text. *Structure and semantics of an artistic text. Materials of the VII International Conference*. Edited by E. I. Dibrova. Moscow, 1999. P. 439–460.
14. Chernyshev V. V. The text of the riddle as a complex syntactic whole. *Language of Russian folklore*. Petrozavodsk, 1988. P. 64–70.

Поступила в редакцию 20.11.2017